

но мы приведемъ съ особеннымъ удовольствіемъ другое мѣсто статьи, гдѣ, въ чрезвычайно поэтическомъ образѣ, Кудрявцевъ упомянулъ о новомъ приобрѣтеніи, только-что сдѣланномъ исторіей на отдаленномъ Востокѣ: „Жизнь историческая уходитъ все впередъ и впередъ отъ своихъ первыхъ зачатковъ, а тамъ, позади ея, надъ самыми этими зачатками, все больше и больше разгорается свѣтъ, которымъ отражается на нихъ современное знаніе“. А затѣмъ, далѣе, съ какою ясностью и увѣренностью молодая русская наука, въ лицѣ Кудрявцева, сознавала успѣхъ или прогрессъ знанія въ области исторіи, и какую бодрость духа и жизненность почерпала она изъ сознанія своей тѣсной связи съ наукою европейской: „Наука оцутительно зрѣетъ какъ по формѣ, такъ еще болѣе по содержанію; не въ одномъ мѣстѣ, не систематически, по принятому напередъ плану производится разработка ея, но изъ суммы всей этой дѣятельности слагается одинъ огромный капиталъ, который весь наука по праву можетъ считать своимъ достояніемъ, безъ различенія мѣстности, гдѣ выработана та или другая доля ея“.

Перейдемъ теперь къ другой статьѣ Кудрявцева: „О современныхъ задачахъ исторіи“, которая была вызвана рѣчью Грановскаго: „О современномъ состояніи и значеніи всеобщей исторіи“. Эта рѣчь, по своей главной мысли, находилась въ тѣсной связи съ письмомъ естествоиспытателя Эдвардса къ А. Тьерри, которое было переведено и издано Грановскимъ одновременно съ рѣчью. Кудрявцевъ, какъ историкъ, считалъ своимъ долгомъ не оставить безъ возраженія главную мысль рѣчи, и такимъ образомъ вступилъ, съ своимъ искренно уважаемымъ учителемъ и товарищемъ въ „обмѣнъ мыслей“, къ которому въ наше время всѣ, конечно, отнесутся съ живѣйшимъ интересомъ.

Характерно, что Кудрявцевъ счелъ нужнымъ начать свою статью съ защиты Грановскаго отъ упрека, что онъ мало пишетъ и издаетъ. Въ этомъ упрекѣ слышится отголосокъ тѣхъ нападокъ на Грановскаго, которыми его противники въ университетѣ и въ журнальной литературѣ старались ему мстить за его популярность, за громадное нравственное вліяніе и то цивилизующее направленіе его лекцій, которое называли *западничествомъ*. Кудрявцевъ отвѣчалъ насмѣшками тѣмъ, кто ведетъ съ публикой постоянный, непрерывающійся разговоръ, и, если не случится другого матеріала, сообщаетъ ей лѣтопись того, что дѣлается у него въ семьѣ и въ кабинетѣ, а Грановскаго защищалъ замѣчаніемъ, что онъ видитъ въ литературѣ не поденное ремесло, а благородное искусство, и указаніемъ на изящную